

Александр Молчанов

УБИЙЦА

Пьесы

Александр Молчанов

Убийца. Пьесы

«Издательские решения»

2015

Молчанов А. В.

Убийца. Пьесы / А. В. Молчанов — «Издательские решения», 2015

Саспенс молчановского «Убийцы» держится на стремлении убежать от смерти, хотя все, казалось бы, предназначено для того, чтобы попасть смерти в лапы (Кристина Матвиенко, «Независимая газета»). Пьеса Александра Молчанова, надо сказать, каверзная: с одной стороны, слепок провинциальных будней, с другой — почти сказка (Андрей Пронин, «Фонтанка.ру»). «Убийца» в МТЮЗе производит сильное и целостное впечатление (Илья Абель, «Эхо Москвы»).

© Молчанов А. В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

От автора	6
Убийца	7
1. Комната	8
2. Автобус	11
3. Дорога	14
4. Дома	17
5. Баня	19
6. Ужин	20
7. Ночь	21
8. Утро	22
9. Автобус	23
10. Двор	25
11. Автостанция	26
12. Общага. Вокзал	27
Фолкнер	28
1. ПРАГА	29
2. ХЕЛЬСИНКИ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Убийца
Пьесы
Александр Молчанов**

© Александр Молчанов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

От автора

В театр я попал случайно. Никогда не был, что называется, «человеком театра» и даже особо прилежным зрителем. И современную пьесу представлял так: действие происходит в 17-м веке в Европе, по сцене ходят люди в костюмах и изображают что-то такое с намеком на современность. А потом вдруг прочитал пьесы Пресняковых, Курочкина, Пряжко – и понял, что есть язык, на котором я могу прямо говорить то, о чем думаю. Язык новой драмы. Причем сначала были именно пьесы, прочитанные глазами, а потом уже спектакли «Театра. док» и «Практики».

Мне кажется, что для сценариста очень важно писать для театра. Театр, при всех его ограничениях, дает автору практически безграничную свободу самовыражения. Такой свободы никогда не будет у сценариста в кино, даже если он сам снимает кино по своему сценарию.
М.

Убийца

Андрей
Оксана
Сека
Мама

1. Комната

АНДРЕЙ. Давно не могу понять, почему, когда молишься, даже если мысленно, появляется такая плаксивая интонация. Типа: «Всемогущий Бог, умоляю тебя, прости меня за мои грехи». Неужели ему обязательно надо, чтобы я там что-нибудь простерся в прахе перед ним, валялся в грязи, глотая сопли и умоляя его о прощении. Он от этого энергией заряжается? Или ему просто прикольно? Какие-то глупые понты, гопниковские. Чего, нельзя нормально поговорить, как взрослые люди? Да, согрешил, было дело, извини, больше не буду. Если там чаша терпения переполнилась, ладно, куда деваться, назначай наказание – все законно, сто раз прочитать «Отче наш», или сорок дней поститься или сто лет в аду. Но только, чтобы на этом все. Рассчитался и больше ничего не должен. Никакой вины. Никаких унижений. С достоинством. Неужели ему самому хочется, чтобы ему служили трусливые слизняки, которые как дети ползают где-то там на земле, слезы по лицу размазывают. С другой стороны, вот я же не люблю, когда меня Дюшей называют. Какой к бую Дюшес, что я, конфета? Есть нормальное имя Андрей Витальевич, так и обращайтесь. Вот и он хочет, чтобы к нему по-человечески обращались. Ну то есть по-божески – мордой в землю, на коленях и со слезами...

То есть я понимаю, что Бога никакого нет, а это все такой психологический эффект – помолился и вроде полегче стало. А может, и есть какой-нибудь энергетический сгусток в космосе. Сам ты сгусток. Вот мне сейчас ни фига легче не стало. Так потому что неправильно молюсь. Достоинство какое-то. Ты мне, я тебе. Дискуссия. Переговоры. «Торговцев из храма гоните». «Я в торги не вступаю». Господи, умоляю, прости меня. Я грешник, черт, тьфу, прости меня, Господи. Мне кабздец. Сделай что-нибудь, господи. Пусть все, что угодно, тысячу раз «Отче наш», или в монастырь, или даже в ад, только бы Сека сегодня не пришел. Только бы Сека...

СЕКА. У меня в школе один пацан тоже был Дюша. Только тот толстый был, когда дрались, весом задавливал. А этот тощий как глиста. Вот черт его знает, сможет он Маронова достать или нет? Маронов, говорят, и в институте не появляется уже неделю. Вот чего прячется, если уже проиграл? Не надо было садиться, если не умеешь. А Виталя говорит, еще три дня жду и продаю свой моцик местноте. Я ему – вот сколько они тебе за него дадут? Двадцать? Тридцать? Это не «Минск» и не «Урал» и даже не «Днепр» с коляской, это же «Хонда». Лучшая техника в мире. Я же уже даже с комендахой договорился за две штуки, она ключи от подсобки даст. Не в комнате же его хранить, каждый вечер по лестнице переть наверх на пятый этаж, как Виталя. А летом по деревне милое дело. Приеду, все наши офигеют... Если один на один, этот Дюша вроде повыше Маронова. Может и справится. А может и нет. Да, наш Дюша бы лучше подошел. Он бы его весом задавил.

ОКСАНА. У Секи, конечно, деньги есть и красивый и трахаться умеет. А главное, уверенный такой все время. Его уже года четыре как из института выгнали, а ничего, с комендахой договорился, живет. Умеет жить потому что вот и живет. Только злой и ничего не дарит никогда. Хоть бы в кино сводил, только сидит в общаге целыми днями и в карты играет. Музыка, блин.

АНДРЕЙ. Бога нет, все эти молитвы – наколка. Сека пришел, да еще бабу свою привел, как ее, Маринка, Оксанка что ли? Не знаю, показать что ли ей, как меня унижает или что? Тоже, как и Бог, такой же гопник. Или по делам шли, а меня так – мимоходом раздавить. Оксанка страшная, глаза близко посаженные, прыщи на лбу, прическа карэ, сисек нет. Закурила, повернулась за банкой, жопа красивая. Изгиб гитары желтой.

ОКСАНА. Лежит на кровати какое-то чмо в рубашонке и спортивках. В комнате срач, я сначала хотела на пол стряхивать, потом думаю – еще пожар, где-то банка была.

СЕКА. Смотрю на этого Дюшу, а у меня такое зло на Марона. Блин, нет денег – не садись играть, чего непонятного? На хера садиться было? А если проиграл – плати, чего прятаться-то. Зла не хватает.

АНДРЕЙ. Даже удивительно, как такой красавчик может быть таким мудаком. У него всегда лучшие бабы. И бабки его любят и в карты ему везет. Кажется вроде невысокий, кулачки маленькие. Я себе прическу хотел сделать как у него, сзади коротко, спереди челка. Ему идет, а мне нет. Потому что у него волосы как-то назад лежат и по бокам, а у меня вниз, на глаза. Видел, как Сека дерется. Мы внизу сидели, на вахте. Идет этот, бородатый, он все время в серой аляске такой ходит. Вроде в двадцать второй у девок он все время пассивен. А тут идет сверху в этой своей дебильной аляске, борода черная, как у христосика и пьяный в умат. Видно, девки его напоили и выгнали. Идет, ищет на ком зло сорвать. Я даже не понял, чего этот христосик хотел. Чего-то Секе сказал такое. Сека встал, вышел за ним на площадку, одним ударом его сбил с ног, потом попинал немного. Вернулся, даже не запыхался. А с боксером как он дрался. Вся общага вышла смотреть. Боксер уже ничего не сообщает, Сека его – раз и срубает. Кажется, все, но он же боксер, он всегда поднимается. На автопилоте. Ему бы уже лежать, чтобы Сека его больше не трогал, а он встает и встает. И уже все хотят, чтобы он не вставал, а он встает и встает. А Сека его срубает и срубает.

ОКСАНА. Сека этому чмошнику говорит – у тебя деньги есть? А он – нету, ты же знаешь. Но я все отдам. Сека ему – ни фига ты не отдашь. Ты мне должен двенадцать штук. Так?

АНДРЕЙ. Так.

СЕКА. Денег у тебя нет.

АНДРЕЙ. Я отдам.

СЕКА. Скажи еще раз «я отдам».

ОКСАНА. И Сека на него посмотрел.

АНДРЕЙ. Сека сказал, что Маронов должен ему пятьдесят штук. И он готов простить мне мои двенадцать, если я поеду в город Оскол, найду там Маронова, заберу у него пятьдесят штук и привезу Секе.

ОКСАНА. Сека достал стошку, полтинник и десятку, сто шестьдесят рублей и подает ему. На фига?

СЕКА. Это на автобус.

АНДРЕЙ. А если он не отдаст?

СЕКА. Тогда убьешь его.

АНДРЕЙ. Как?

СЕКА. По фигу как. Ножом, например. Нож есть у тебя?

АНДРЕЙ. Есть вон. Ты че, реально что ли? Насмерть, что ли?

ОКСАНА. Сека взял со стола складной нож, потрогал лезвие и поморщился.

СЕКА. Годится. Оксана поедет с тобой. Не хочу, чтобы ты сбежал с деньгами.

ОКСАНА. Я? С ним? На фига?

СЕКА. Да. Билет на автобус стоит сорок рублей, я узнавал. Как раз вам хватит туда-обратно.

ОКСАНА. Сека, ты не офигел?

СЕКА. У тебя что, коза, вопросы какие-то появились?

АНДРЕЙ. Оксану эту вроде еще в прошлом семестре отчислили, так что она в общаге живет только с разрешения Секи, он за нее комендахе приплачивает. Чуть что не так – поезжай в деревню и сдохни там от скуки. Или замуж за какого-нибудь механизатора, тоже перспектива.

СЕКА. Чтобы к завтраму деньги были.

ОКСАНА. Сека сказал, чтобы к завтраму деньги были. И ушел. Козел. И этот еще на меня смотрит. Жалует что ли? Козел. Козел. Козел. Козлы. Уроды. Чтоб вы сдохли все.

АНДРЕЙ. Да ладно тебе. Нормальная история. Мне еще хуже.

ОКСАНА. Где нормальная? Что нормальная? Ты что, больной? Ты только попробуй ко мне приставать, я Секе скажу. Чего б ты понимал.

АНДРЕЙ. И заплакала. Сидит, ревет, а я вещи собираю.

ОКСАНА. Ходит по комнате, тряпки какие-то перетряхивает, а я думаю, главное, не заплакать еще перед этим, не показать...

АНДРЕЙ. Идем потом по коридору, девки выглядывают из дверей, на нас смотрят, ни фига не понимают.

ОКСАНА. Если он думает, что я проститутка, так я не проститутка.

2. Автобус

АНДРЕЙ. На вокзале у меня возникла одна идея.

ОКСАНА. Он мне говорит, ты здесь на улице пока покури, пока я билеты куплю, чтобы не толкаться у кассы. Мне-то что, стою, курю, думаю, какая же Сека тварь. Вообще на всех наплевать, кроме себя. Я бы тоже могла сессию сдать, стипендию бы платили. Здесь многие так. Приезжают, селятся в общагу, потом вылетают из института и живут годами и ничего. Парням, конечно, легче. Пришел к девкам на этаж, выбрал любую и живи. А девушку не каждый возьмет. Вот голубям хорошо. Ходят тусуются. Стипендия не нужна, комната не нужна. Всю неделю выходной.

АНДРЕЙ. Билеты взял, выхожу. Она стоит, на голубей смотрит.

ОКСАНА. В автобус садимся, а у меня тоска такая, как будто я домой еду. Терпеть не могу деревню. Танцы эти. И парни, деревенские дурачки. Выпить, подраться – все культурные интересы. Хотя я здесь тоже по театрам не хожу. Сека, тварь, даже в кино не сводил ни разу.

АНДРЕЙ. Сидим в автобусе, я думаю такой – надо ей хоть сказать что-нибудь или рассказать.

ОКСАНА. Этот еще блин поворачивается с такой проникновенной мордой и говорит...

АНДРЕЙ. Извини, что так все получилось.

ОКСАНА. Слушай, не надо до меня докапываться.

АНДРЕЙ. Я не докапываюсь, я просто...

ОКСАНА. Вот и молчи сиди. Без тебя херово.

АНДРЕЙ. А мне не херово? Мне вон вообще.

ОКСАНА. Заткнулся. Успокоился. И черт с тобой. Вот по этой улице я в институт ходила. А вот тут мы с девчонками гуляли на день города. Дальше деревянные дома, потом бывшая пожарная вышка, говорят, в ней пивнушку хотят сделать, потом монастырь, потом воинская часть, потом лес.

АНДРЕЙ. Она и не заметила, что мы не в тот автобус сели. Пока не буду говорить, скажу, когда выйдем. Сначала я думал, что все. А теперь может быть еще не все. Я ведь всегда думал, что я не просто так на этот свет родился. И у меня есть доказательства. Верные доказательства, стопроцентные. Тогда, когда после восьмого класса мы с Мишкой Астаховым собирались ехать в архангельское училище связи. Уже все, даже документы были отправлены и вызов пришел. До экзаменов неделя, я даже учил чего-то, какую-то геометрию. Мы с Мишкой катались на мотоциклах по ночам, курили, последние деньки догуливали. Мечтали, как будем по Архангельску гулять. А у нас тогда появились колорадские жуки. Красные, ядовитые личинки, жрут все листья на картошке, остаются только ветки. Никогда раньше не было, только в этот год. Бабки говорили, что из Америки специальное биологическое оружие в Россию прислали, чтобы вся деревня с голоду вымерла. Потому что у нас только картошка и растет. В общем, я каждое утро на мотоцикл и на поле. Собрал этих личинок в банку поллитровую. Потом в банку налил немного бензина из бака и поджег. Смотрю, как они горят и вдруг мне так херово стало. Проблевался. А лучше не стало. Вечером катаемся с Мишкой, я чувствую, мне все равно херово, как будто обкурился. Говорю – пошли купаться, может полегчает. Искупались, все равно херово. Тошнит. Ночью чуть не помер, так херово было. Мать позвонила в больницу, говорит – иди в приемный покой, там тетя Света, соседка. Прихожу, она мне на глаза посмотрела, на живот, печень пощупала, говорит, готово дело, желтуха. Меня на три недели в инфекционный диспансер за стекло. Родителям и пацанам всем прививки. Но у них обошлось. Мишка съездил в Архангельск, поступил. А я в школу вернулся. Мишка через четыре месяца из училища сбежал. Говорит, тяжело, дедовщина, перваков били так, что стены в комнатах были в крови. Мишка так и остался с восьмью классами, отслужил, сейчас

сварщиком работает. NO FUTURE! А я школу закончил и в институт поступил. Потому что я думаю, это все было не случайно. Это Бог за мной присматривает. Он наслал ту саранчу, ну то есть колорадских жуков и желтуху, чтобы я в училище не попал. Что-то я должен сделать в жизни. Или великим музыкантом стать или поэтом. А может все для того, чтобы я Маронова убил? Может он Гитлером станет или термоядерную бомбу сделает? Не, я думаю, что-нибудь с творчеством скорее всего. Художником например буду. Я рисовать, правда, не умею, так это теперь и необязательно. Слава Богу, не Возрождение. Конечно, не буду я никого убивать, теперь все обойдется. Все нормально будет, нормально, да.

ОКСАНА. Чтобы квартира была городская. Три комнаты. Торшер. Работать можно где-нибудь в архиве или в магазине. Или в коммерческой фирме. Там платят много, говорят, только непонятно, что делать. И говорят во всех коммерческих фирмах начальники всех женщин трахают. Это уже такая традиция, все про это знают. Ну пусть трахают, главное, чтобы муж не узнал. Особенно если начальник симпатичный, как Сека. Нет, лучше Сека муж, а начальник другой, еще симпатичнее. Нет, лучше Сека начальник, а муж другой, симпатичный и добрый. И чтобы не жадный. Но только не лох чтобы, деньги все-таки чтобы в кулаке держал. В кино бы ходили каждую неделю. На юг, может, съездили. Хотя там сейчас везде война, еще убьют на фиг. Я бы ему готовила, стирала бы, сына родила. А что, хорошему мужику чего не родить. Я ведь когда Секу первый раз увидела, он мне потом приснился. Что у него жена низенькая толстая страшная. Зато ребеночек у них очень красивый. И они идут в кино вдвоем, а я говорю – давайте, я хоть с вашим ребеночком посижу.

АНДРЕЙ. Когда уже буду знаменитым, потом поеду в деревню, куплю дом или построю. Чтобы обязательно двухэтажный. Мой кабинет будет на втором этаже. Окнами в лес. Просыпаешься утром, соловьи шпарят. Делать ничего не надо, и так уже во всех энциклопедиях и в школьной программе. Гитара лежит подключенная, музыки до фига всякой. Колоночки навороченные. Самурайский меч на стене. Тут же картина абстрактная и рукопись романа под названием «Моя жизнь». Нет, «Мои победы». Нет, «Мои поражения». Да, так прикольное. Чтобы все видели, какой скромный чувак. Всего достиг, а, подводя итоги, помнит только свои поражения. Так и шел по жизни от поражения к поражению. И жить так до старости. Когда уже знаешь, что после смерти тебя будут помнить, тогда и помирать не так страшно. И так уже нормально.

ОКСАНА. Если бы все люди умерли, это было бы неплохо. Когда один умираешь, это, конечно, неприятно. Даже если знаешь, что в рай попадешь. И если вся семья вокруг, куча детей, внуки, все смотрят, ждут – когда же ты сдохнешь, комнату освободишь. А так, чтобы нажал кнопку – и нет никого. Не бомба, не яд, чтобы без мучений, просто исчезли. Чистая планета. Леса, моря и ни одного человека. Вот было бы здорово. Тогда никому не обидно. Даже прикольно. Какой-нибудь миллионер всю жизнь работал, каждую копеечку копил, а тут раз – на тех же условиях, что и нищий. А интересно, если так, то куда все эти души денутся? В деревья переселятся? Люди сволочи, они и в деревьях сразу передерутся. Сосна такая – эй, береза, ты чё тут свои ветки раскинула, вас тут не стояло. И давай махаться ветками. Потом какое-нибудь оружие придумают, какую-нибудь нейтронную бензопилу «Дружба» и все по новой.

АНДРЕЙ. Автобус остановился у моста. Водитель повернулся назад и крикнул: «Кто до моста брал, выходите». Я взял ее за руку и потащил к выходу.

ОКСАНА. Так задумалась, что не заметила, как мы приехали. Я же не была в этом Осколе ни разу. Остановились у моста, этот меня за руку взял, тащит к выходу. Ладно, вышли, стоим на остановке. Справа мост, слева дорога, вокруг чисто поле. Что дальше? Что дальше, я спрашиваю? Где твой Оскол-то?

АНДРЕЙ. В общем, смотри, у меня есть одна идея.

ОКСАНА. Я даже не сразу поняла, чего он говорит. Он купил билеты не в Оскол, а совсем в другую сторону. Даже в другом направлении. Вот я коза, даже не посмотрела на табличку на автобусе, когда садилась. Вот я попала. Что я Секе скажу.

АНДРЕЙ. Не обрадовалась, конечно. Может, думала, я ее завезу в лес и в озере утоплю.

ОКСАНА. Про маму какую-то рассказывает.

АНДРЕЙ. Ты меня слушаешь или нет? Мама даст денег. Я отдам то, что я должен Секе и все, я ему ничего не должен. И не надо никого убивать. А Сека пусть другого убийцу ищет.

ОКСАНА. Понятно.

АНДРЕЙ. Она неожиданно успокоилась. Ей, кажется, тоже не очень нравилась эта тема с убийством. У нее даже настроение поднялось.

ОКСАНА. Она тебе точно даст денег?

АНДРЕЙ. Ясен пень.

ОКСАНА. Поехали тогда. Где она, твоя мамаша-миллионер?

АНДРЕЙ. На самом деле я был совсем не уверен в том, что мама даст денег. Полгода назад она купила вагончик, сделала там магазин и все заработанные деньги вкладывала в новый товар. Даже отцу перепало только на выпивку и курево. Но у меня был железный аргумент, чтобы ее переубедить. Надо было только еще...

ОКСАНА. Это ж надо быть таким идиотом! Оказывается, от моста до его Шиченги еще пятьдесят километров.

АНДРЕЙ. Я не виноват, что денег только досюда хватило.

ОКСАНА. И как мы добираться будем? Пешедралом?

АНДРЕЙ. Поймаем попутку.

ОКСАНА. Вот ты умный по горшкам дежурный. Кто же сейчас на трассе остановится?

АНДРЕЙ. Не знаю, может, дальнобойщики. Им же скучно ехать, чего не взять пассажи-ров.

3. Дорога

ОКСАНА. У всех дальнобойщиков на стекле табличка «Приказ – пассажиров не брать». На синей остановке нацарапано «Давыдов мудак». Это местная стенгазета. Какие сегодня последние известия? «Давыдов мудак». Интересно, какой этот Давыдов? Толстый, лысый с портфелем. Нет, про таких на остановках не пишут. Малолетка наверняка. Обидел девочку или другого малолетку, вот, теперь прославился на всю трассу «Москва-Архангельск», мудак.

АНДРЕЙ. Мы в детстве так в ножички за домом играли с Борькой и Наташкой Сига-левыми – Сигалятами. С одного пальца, с двух, с трех. Они наверху жили, она все время на пианино играла, а бабушка стучала в потолок шваброй. С четырех, с пяти вообще легко. У бабушки голова болела после контузии, она умирала долго. Потом с плеч, с подбородка, с губ, с носа, с бровей, со лба. А Наташка с солдатами гуляла, потом замуж вышла вроде тоже за солдата. Потом не помню, еще как-то по-хитрому надо было бросать, а последнее было солнце – надо было закрутить и бросить вверх, и луна – за спину. Наташка потом ехала к нему, а потом вернулась, они денег кому-то задолжали, их там убить хотели. Черт, не воткнулось. Я проиграл, Борька вырезал из рябины палочку чуть больше спички и забил ее ножичком в землю. Я ее доставал зубами. Все лицо было в земле.

ОКСАНА. Ты мудак, блин, ты чего машину не ловишь.

АНДРЕЙ. Че, не видишь, не останавливается никто.

ОКСАНА. Идиот – они же видят – сидит какой-то разбойник, ножом размахивает. Ты сам бы остановился?

АНДРЕЙ. Вот и иди сама лови.

ОКСАНА. Я, блин, пойду, поймаю, тебе мало не покажется.

АНДРЕЙ. Тут машина едет. Зеленый «запорожец». Только он не в сторону Шиченги едет, а в сторону Волоковца. Она подходит к дороге, протягивает руку, машина останавливается. В машине два дедка, каждому по стопийсят лет. Лыбятся, садись девочка, покатаем.

ОКСАНА. Поеду обратно в город, скажу Секе, пусть он сам с ним разбирается.

АНДРЕЙ. Коза, блин. Сбежать решила.

ОКСАНА. Вот тут он засуетился. Бросил свой ножичек, подбегает к машине, хватает меня, дедам машет – проезжайте, уважаемые. Они посмеялись, дело молодое, кхе, кхе – и дальше попыхтели на своем драндулете.

АНДРЕЙ. Ты чего, чирикнутая?

ОКСАНА. Чего мне с тобой тут до вечера сидеть? Руки уברי вообще!

АНДРЕЙ. Я почувствовал, что покраснел и от этого еще больше разозлился. Чего она! Она чего, вообще что ли?

ОКСАНА. И тут он начал орать, что я сама виновата, что тут с ним сижу. Не хотела бы, не поехала бы. Я хотела, чтобы он заткнулся. Просто чтобы замолчал. Замолчи. Замолчи. Замолчи.

АНДРЕЙ. Я хотел ей объяснить, как она не права. Что она сама виновата в том, что она оказалась здесь. Что она – свободный человек, и поехала со мной потому, что хотела поехать. Может быть не осознанно, а бессознательно. Но она не захотела меня слушать.

ОКСАНА. Я пошла на другую сторону дороги, протянула руку и сразу же поймала чер-ный «БМВ».

АНДРЕЙ. Она села в машину так, как будто не собиралась меня ждать. Я подбежал к машине и сел сзади с другой стороны. За рулем сидел чувак в белой рубашке. Он сказал, чтобы я не задел его костюм. Я не сразу заметил, что его пиджак висит на вешалке рядом с моей головой.

ОКСАНА. В машине хорошо пахло, и я сразу вспомнила, что не была в душе два дня. В общаге один душ на двести двадцать комнат, туда вечно очередь, можно попасть только ночью, да и то ночью все время хотят семейные пары трахаться, хотя мы с Секой ни разу...

АНДРЕЙ. Бизнесмен явно. Говорит, я в Архангельск еду, вас подкину до Шиченги, а вы сходите за это в милицию и сообщите, что на дороге произошла авария. У меня дела, я не могу в милицию заезжать, протоколы, показания – гемор.

ОКСАНА. Он сказал, что «Запорожец» сорвался с насыпи и врезался в дерево у дороги. Там были два старика, один живой, а второго убило.

АНДРЕЙ. Видимо, старичку было суждено сегодня умереть, а Оксане – нет. Интересно, какое у нее предназначение? Мне раньше было наплевать на то, что при жизни. Главное – чтобы после смерти помнили. А теперь, наверное, умнее стал, теперь хочется, чтобы и при жизни уважали. И чтобы деньги были. Хотя вообще деньги – это бумага. Я же не жадный, поэтому и бизнесом не могу заниматься, для этого надо жадным быть. Вот и этот тоже остановился не потому, чтобы нас подвез, а чтобы мы в милицию за него сходили. Ты мне, я тебе, не обманешь, не продашь. Еще реклама появилась. Раньше ведь ее вообще не было. Вот раньше и хотелось чтобы для людей, чтобы труд и всякое такое. А теперь хочется, чтобы дом, машина, деньги. И путешествия тоже. Я раньше думал, буду так, с рюкзаком ходить по земле, жить в палатке. А теперь путешествуют в отелях, Мальдивы, море. Этот наверняка сто раз был на море. А я только один раз зимой в Риге.

ОКСАНА. И в прошлый раз тоже долго не начиналось. Только бы не залететь. Говорят, если аборт сделаешь, потом уже детей не будет. А он все равно не женится, даже если залететь. На уроке литературы в пятом классе. В четырнадцатом кабинете на втором этаже. Я почувствовала, что-то липкое по ногам. И увидела, что ноги в крови и платье и стул в крови. Учительница вывела в туалет, дала прокладку, потом отправила домой. И в классе не издевались, а как будто испугались все, и парни и девки, потому что ни у кого еще не было, у меня у первой. Никто не понимал, что это такое.

АНДРЕЙ. Мы вышли из машины и он поехал дальше. Так и не сказал больше на слова, даже не попрощался. Машина двигалась тихо, как будто подкрадывалась.

ОКСАНА. Он даже ничего нам не рассказал из своей бизнесменской жизни, видимо, ему было неинтересно с нами разговаривать, с заморышами. Мне так стыдно стало за свой внешний вид. Как будто из помойки вылезли. Нищие принцы.

АНДРЕЙ. Там у нас красота, как на открытке. Река, мост, слева лес, справа гора, а на ней церковь, в которой раньше была начальная школа и ПТУ. А сейчас опять церковь. Там, магазины, там клуб. Там даже группа «Сталкер» однажды выступала, Андрей Державин.

ОКСАНА. Деревня, конечно, оказалась убогая. Клуб только нормальное здание с колоннами, а вместо магазинов какие-то вагончики.

АНДРЕЙ. Потом я ей показал милицию – старое деревянное здание и новое кирпичное. Деревянное – это было первое здание, которое построили в нашем поселке, когда в 37-м году деревни объединяли. Там один раз пьяницы сидели на сутках, вырыли подкоп и сбежали. Их поймали сразу конечно, где тут спрячешься.

ОКСАНА. Мы зашли в милицию, в окошке за решеткой сидел толстый мальчик в очках, он оказался одноклассником Андрея, они тут же забыли про стариков в «Запорожце» и начали обсуждать какого-то Сашку Тугаринова, который пьяный повесился в дровенике.

АНДРЕЙ. Тугаринов только пришел из армии и сразу женился. Родители им квартиру купили однокомнатную на том берегу. Прожили месяц, потом он пришел пьяный, она на него заругалась, и сказала, что уходит к маме. Он пошел в дровеник и повесился. Она потом плакала, говорила, лучше бы уж пил, да чего сделаешь.

ОКСАНА. Не могу понять, чего он так расстроился. Видимо, друг его близкий был этот Тугаринов?

АНДРЕЙ. Он же был мой враг с детского сада. Мы еще тогда дрались. Тогда силы равны были. А потом он стал сильнее и он меня бил. Было время, мы даже что-то разговаривали, он даже приходил ко мне один раз, какую-то кассету взял послушать. А потом опять началось. Когда он на дискотеке до меня докопался – будет у меня завтра бутылка? Я ему – где я тебе возьму? А он – будет у меня бутылка? А я опять – где я тебе возьму? И он уже чувствует, что смешно выглядит – будет у меня бутылка? А я опять – где я возьму? И тут он ударил. Раз и два в лицо. Я упал. Он ушел. Потом мы стояли с Юркой Чесноковым на крыльце, курили. У меня кепочка такая была черная, я у отца взял. Тугаринов подходит, молча постоял, покурил, потом говорит – дай кепку поносить. Снял у меня кепку и ушел. Не могу понять, почему я его так боялся? Я же всегда дрался нормально. Даже с теми, кто на два года и даже на три старше. Вцеплялся так, что не отдерешь. А Тугаринова боялся. Какой-то страх парализовывал. Видимо потому, что когда уже дерешься – все мгновенно, все мобилизуется. А когда долго боишься чего-нибудь или кого-нибудь, то себя накручиваешь, накручиваешь, и уже ничего сделать не можешь. Один раз иду из магазина, а он навстречу с чуваком. Он говорит, привет, чмо. А я ему – привет. Сука, ненавижу себя за то, что так ему сказал. Теперь все, умер он, не скажешь ему – сам ты чмо, блин. А я жив. Мне бы радоваться, а мне что-то совсем не радостно. Как будто это от меня часть отрезали.

ОКСАНА. От милиции мы, по-моему, еще десять километров шли в гору, потом еще по дороге мимо домов и наконец пришли. Дом двухквартирный, теплицы во дворе, короче, обычная деревня. Он вдруг поворачивается ко мне и говорит – только знаешь, давай маме скажем, что ты моя невеста.

4. Дома

АНДРЕЙ. Мама увидела Оксану, испугалась.

МАМА. Я почему-то сначала подумала, что она из милиции и Дюша что-то натворил.

ОКСАНА. Он реально толкает меня вперед и говорит – мама, познакомься, это Оксана, она моя невеста.

АНДРЕЙ. Потом мама разозлилась.

МАМА. Он же еще маленький, как он может? Ему нельзя жениться.

АНДРЕЙ. Мама, что такое? Мне же не шестнадцать лет, пора привыкнуть.

ОКСАНА. Он по-хозяйски прошел по квартире, заглянул в спальню, спросил – отец спит? И подозвал меня, мол, пойдем, покажу нашу комнату.

МАМА. Ты надолго?

АНДРЕЙ. Завтра утром надо уезжать.

МАМА. Разбужу отца, пусть баню затопит.

АНДРЕЙ. Я с гордостью показал ей мою комнату. Двенадцать полок книг, причем половину я лично вынес под курткой из библиотеки. Гитара, кассетник, проигрыватель «Волна», а главное – вид за окном. Такой вид ни за какие деньги не купишь – пруд, лес, облака.

ОКСАНА. Комнатенка убогая, из мебели – только железная кровать, кресло и полки с книгами.

МАМА. Я же ее даже не рассмотрела как следует. Интересно, она из хорошей семьи? Не алкоголичка? Как она будет? Стирать, готовить умеет? Надо все проверить. Посмотрим еще, какая она ему невеста. Как все быстро.

Кажется, еще вчера по полу ползал, а вот уже невесту привел.

АНДРЕЙ. Отец за окном носил дрова в баню, потом из трубы появился дымок. Я молчал.

ОКСАНА. На фига тебе это надо вообще?

АНДРЕЙ. От тебя же ничего не требуется. Просто один вечер как будто ты моя невеста. Никто же не заставляет тебя жениться.

ОКСАНА. Это мужчины женятся. Женщины замуж выходят.

АНДРЕЙ. Ну, ты поняла.

ОКСАНА. Вот я с тобой попала.

АНДРЕЙ. Секе спасибо скажи.

ОКСАНА. Пошел ты. Сейчас выйду и скажу твоей мамаше, что ты все наврал.

АНДРЕЙ. Не, на надо. Тогда она точно денег не даст.

ОКСАНА. Чего с ним разговаривать? Малахольный.

АНДРЕЙ. Мать стучит так деликатно и прямо чувствуется, что ей непривычно так стучать в мою комнату. Сходи, говорит, отцу помоги. Чего ему помогать-то? Ладно, пошел.

ОКСАНА. Ага, свекровь пришла знакомиться. Села напротив. Толстая, волосы седые сквозь краску. Табаком пахнет.

МАМА. Сiju, смотрю на нее – ни кожи ни рожи. Как она рожать собирается, интересно? Я села у печки, прикурила. Она тоже подсаживается, и вдруг смотрю – тоже сигареты достает. Зеленая пачка, ментоловые. Вот так да.

АНДРЕЙ. В баню пришел, отец сидит, в огонь смотрит. Чего, говорю, как дела? Он говорит – ну-ну. Вот и поговорили.

ОКСАНА. Сидим со свекрухой у печки, курим. И я ей не нравлюсь.

МАМА. Ты откуда?

ОКСАНА. Из Раменской.

МАМА. Это где такая?

ОКСАНА. Вашкинский район.

МАМА. Кто родители?

ОКСАНА. Мама почтальон. Папа умер.

МАМА. Учишься с Дюшей вместе?

ОКСАНА. На ест-гео.

МАМА. Это еще что такое?

ОКСАНА. Естественно-географический.

МАМА. Что, в экспедиции будешь ездить?

ОКСАНА. Вряд ли. Буду рассказывать про то, как другие ездят. Как Сенкевич.

МАМА. Тогда ладно. Где с Дюшей познакомились?

ОКСАНА. В общежитии.

МАМА. Если поженитесь, семейное дадут?

ОКСАНА. Ага, дадут. Догонят и еще дадут. Семейное – это деревянный барак на берегу реки. И то комнату там получить люди ждут по два года. Или взятку платят комендахе.

МАМА. Ничего, вроде обстоятельная девушка, хотя и курит. Забеременеет – бросит, я тоже бросала.

ОКСАНА. Нам деньги нужны.

МАМА. Это еще зачем?

ОКСАНА. Надо взятку комендахе заплатить, чтобы комнату дали в семейном. Двенадцать штук.

МАМА. Почему так много?

ОКСАНА. Комендаха жадная.

МАМА. У меня столько нет. У меня магазин. Все деньги в товаре. Две дам, остальное сами зарабатывайте.

ОКСАНА. Нормальная тетка. Деловая. Не то, что Дюша. Жалко, что денег не даст, он же рассчитывает.

МАМА. Пирогі растворю. Ты какие любишь?

ОКСАНА. С малиновым вареньем.

МАМА. Варенья нет. Рыбник будет.

5. Баня

АНДРЕЙ. Почему так тихо? Я сидел на полу в предбаннике, прислонившись спиной к двери. спине тепло от двери, а в предбаннике холодно. Я начал замерзать. Напротив скамейка, на скамейке лежат полотенца, мое и ее. В предбаннике огромные щели. Это чтобы можно было зимой выскочить охладиться, чтобы температура была как на улице. Сейчас не зима, почему же так холодно? Потому что я должен сейчас быть в парилке, а я здесь? Организм настроился на жар, и обычная температура кажется слишком холодной. Чего она там делает? Почему так тихо? Эй, ты уснула что ли?

ОКСАНА. Чего тебе?

АНДРЕЙ. Не спи, замерзнешь.

ОКСАНА. Иди к бую. Лучше бы пришел попарил меня, жених.

АНДРЕЙ. Ты что, серьезно?

ОКСАНА. Давай.

АНДРЕЙ. Я вскочил, снял трусы. Потом надел обратно. А она там голая или нет? Приоткрываю дверь, смотрю – конечно, голая. Лежит на полке лицом вниз.

ОКСАНА. Давай, заходи, чего встал, как неродной.

АНДРЕЙ. Я зашел, на нее стараюсь не смотреть. Она лежит, красивая такая. Спина тонкая, попа круглая, ноги... ох, е-мое.

ОКСАНА. Смотрю на него, он, бедненький, даже зашатался. Что, девушек голых не видел ни разу? Давай, бери веник, работай. Он взял веник, сунул его в бачок с горячей водой.

АНДРЕЙ. Надо, чтобы листья размокли. Ты чего шапку не надела?

ОКСАНА. Какую еще шапку?

АНДРЕЙ. Голову в бане надо защищать, а то угоришь.

ОКСАНА. Он берет какие-то две спортивные шапки с помпонами и надевает одну на себя, другую на меня. А у нас дома сроду никаких шапок, так парились.

АНДРЕЙ. Я ее вдруг представил в этой шапке и на лыжах и голую.

ОКСАНА. Потом он взял ковшик и поддал пару. Стало очень жарко.

АНДРЕЙ. Сначала покрутить веником, нагнать пар. Потом стереть веником пот. И уж потом можно хлестать.

ОКСАНА. Эй, осторожнее.

АНДРЕЙ. Терпи, коза, а то мамой будешь.

ОКСАНА. Осторожнее, я сказала.

АНДРЕЙ. На ее мокрой коже оставались красные полосы от ударов веником.

ОКСАНА. Смотри, у тебя встал.

АНДРЕЙ. Какие предложения?

ОКСАНА. Водичкой холодной окатись.

6. Ужин

МАМА. Я убежала из дома в 14 лет. Мне тогда тоже казалось, что мама меня не понимает и хочет от меня избавиться. Я поехала в Жихово и устроилась работать в клуб. И кино крутила и концерты устраивала и с агитбригадой по деревням ездила. Однажды приехал мальчик такой симпатичный из районной газеты брать у меня интервью. Я ему все рассказала – и про успехи нашей деревни и про надои. А потом приехала к маме на выходные, пошла вечером гулять, смотрю – мальчик мой идет. Оказывается, он на соседней улице жил, а я его не встречала, потому что он в институте учился в Питере. А до этого в Суворовском училище, домой редко приезжал. И стали мы ходить. То он ко мне приедет, то я к нему. Поцеловались в первый раз накануне свадьбы, на крыльце старой столовой.

ОКСАНА. Может, мне правда за него замуж выйти? Тоже поцелуемся на крыльце столовой, свадьбу устроим. На свадьбе обязательно драка с битьем посуды. Свинью заведем. Он будет работать в какой-нибудь Сельхозтехнике, я – в Сельхозхимии. Фу, блевотина. Потом умрем. Лучше сразу в дровеник и в петлю.

АНДРЕЙ. Оксана наклонилась ко мне и сказала – пойдем покурим. Мы вышли из дома, сели на веранде, она достала сигареты. Я попросил ее сесть пониже, чтобы не было видно с улицы. Здесь не принято, чтобы девушки курили. Если девушка курит – значит, проститутка.

ОКСАНА. Ты же все-таки моя невеста, говорит. Придурок.

АНДРЕЙ. Она из-за чего-то разозлилась.

ОКСАНА. Я поговорила с твоей маман. Она не даст денег.

АНДРЕЙ. Как не даст?

ОКСАНА. Сказала, две дам, остальные сами зарабатывают.

АНДРЕЙ. Что ты наделала, дура? Надо было мне с ней поговорить.

ОКСАНА. Поговори. Толку-то.

АНДРЕЙ. Она все испортила. Она не понравилась маме. И мама уже настроилась так, как будто у нее нет денег, и она ничего не даст. И теперь ее с этого не своротить. Мы вернулись в дом, и я попросил маму сходить со мной на веранду поговорить. Уговаривал ее два часа. Как только не просил. Нет денег и все. Естественно.

МАМА. Нет денег и все. Я с четырнадцати лет у родителей денег не просила. И им нечего привыкать. А то так и будут тянуть. И вообще, молод еще жениться. Ходите, живите, по нынешним временам не возбраняется. А то как поженятся, так и разбегутся. Или еще хуже – не разбегутся, а так и будут мучиться всю жизнь. Нет денег и все.

7. Ночь

ОКСАНА. Я думала о Секе. Он обычно спокойный такой. И когда играет тоже. Когда он играет, на него можно залюбоваться. Вежливый. Улыбается. Игра, кстати, тоже так и называется сека. Только его не в честь игры Секой называют, а потому что фамилия Секушин. Все берут по две карты, потом смотрят и просят еще или не просят. А дальше начинаются понты – я кладу еще десять, я закрываю и дальше десять. Поднимают цену. Потом смотрят в карты, у кого 21, тот и выиграл. 21 – это очко или сека. Если больше – проиграл. Если меньше – тоже проиграл. Если у каждого по 21, раздадут снова. Они могут сутками так играть. Сека мне по секрету сказал, почему он всегда выигрывает. Он слышит музыку каждый раз перед тем, как выиграть. И если есть музыка – он поднимает ставки. Если нет – бросает карты. Потому и выигрывает всегда. Он не жулик, просто слышит музыку. Хорошо бы он сейчас здесь оказался вместо этого...

АНДРЕЙ. Она лежала в постели в моей белой футболке и смотрела на меня. Потом вдруг потянулась и сказала – иди сюда.

ОКСАНА. Ой, это я зря. Целоваться не умеет, грудь ласкать не умеет. Тычется как слепой, ищет мамкину сиську.

АНДРЕЙ. Она была такая горячая. Я гладил ее, целовал, целовал... но в итоге у меня ничего не получилось. В самый решительный момент просто не смог. Сам не знаю, как так получилось. Наверное, от волнения. И даже не пьяный был, так что списать не на что. Сам виноват.

ОКСАНА. Не очень-то и хотелось.

АНДРЕЙ. Она отвернулась к стене и замолчала. А я сел в кресло и долго сидел, глядя в окно. Сегодня был самый несчастный день моей жизни. Я встретил девушку, которую любил. Она могла быть моей, а я сам все потерял. Причем, сейчас еще не поздно все исправить. Если бы я мог сейчас лечь к ней, обнять ее и поцеловать так, как Дон Жуан или Казанова и сказать хриплым голосом «Детка, давай попробуем еще раз». А потом показать такой секс, которого она никогда не видела. Но я не смогу. Не решусь. Не решаюсь. Она может меня оттолкнуть, сказать – иди отсюда, импотент.

ОКСАНА. Чего он там делает, импотент? Он спать сегодня собирается или нет? Мне же холодно.

АНДРЕЙ. Черт, это могла бы быть фантастическая последняя ночь. Как с Клеопатрой. А завтра уже будь что будет. Вот тогда она узнает. Пожалееет, что зажала несчастные двенадцать штук. Она же в магазине столько за день зарабатывает. Пожертвовала сыном, чтобы сэкономить дневную выручку. Такие заголовки во всех газетах. Прославлюсь на фиг. О моей истории снимут кино. Даже прикольно. Или наоборот, будут пугать детей. Не будешь спать, придет злой Дюша и зарежет тебя. Интересно, о чем сейчас думает Маронов? Спит, наверное, спокойно и не знает, что завтра его убьют. Куда надо бить ножом, чтобы убить одним ударом? В сердце не попадешь, там ребра. Значит в живот. Говорят, это больно. Я же не хочу, чтобы ему было больно. Я просто хочу его убить. Нет, не хочу, я должен его убить. А может, не ездить вообще? Спрятаться? Тогда Сека еще кого-нибудь сюда пошлет, чтобы меня убить. А если в милицию пойти? Ой, да видел я эту милицию. Сидит там такой Колька Кустов, ему на все наплевать. Что, он мне охрану устроит у дома? Или поедет Секу арестует.

Моя белая футболка лежала на полу. Я тихонько подкрался к кровати и лег рядом. Оксана уже спала. Голая. Прекрасная. Я смотрел на затылок Оксаны, на ее шею и плечи. И мне хотелось заорать оттого, что она так близко от меня и так далеко. Мне хотелось умереть за нее. Или убить.

8. Утро

ОКСАНА. Утром мы не разговаривали. Маман покормила нас завтраком – пересушенной гречневой кашей и кофе, вернее, как она выразилась, кофэ. Потом она вызвала меня на веранду и дала двенадцать тысяч. Сказала, чтобы ни в коем случае не отдавала Дюше, а сама отнесла комендахе. И чтобы комнату выбирала с видом на солнечную сторону.

АНДРЕЙ. После завтрака мама увела Оксану на веранду и что-то ей там втюхивала. Я больше всего боялся, что Оксана ей проболтается. После вчерашнего ей какой резон притворяться. Но видимо она ничего не сказала, потому что вернулись обе довольные.

МАМА. Ну что, голубки, долгие прощания – лишние слезы. Марш на автостанцию.

АНДРЕЙ. И мама вытерла слезу. А потом еще одну. Обняла Оксану, а мне погрозила кулаком. Добренькая мама. Ну прощай, извини, если что не так. Жди новостей и не падай в обморок.

ОКСАНА. Я хотела сразу сказать ему про деньги, а он пошел вперед, как будто идет не со мной. Так и шел всю дорогу впереди, как будто он сам по себе, я сама по себе.

АНДРЕЙ. Я боялся на нее посмотреть, боялся сказать что-нибудь. Мне казалось, что она тут же высмеет меня или скажет что-нибудь обидное. Я шел немного впереди, чтобы не встретиться с ней глазами и показывал дорогу.

ОКСАНА. Таким макаром и дошли до автостанции. Ладно, пусть помучается немного, скажу потом, когда в город приедем. И деньги отдам. Конечно, на фига они мне. Он попросил меня подождать в автостанции, а сам пошел в вагончик. Что-то ему там надо было купить.

АНДРЕЙ. Хорошо, что я вспомнил – я же забыл свой нож у дороги, когда Оксана поймала машину. Я зашел в вагончик и купил складной нож с железной ручкой. Потом пошел на автостанцию. Оксана лежала на скамейке у окна и все старухи смотрели на нее. А она смотрела на старика, который пытался позвонить с телефона-автомата.

ОКСАНА. Цирк. Висит на стене телефон-автомат без трубки. Подходит к нему этот дедок, засовывает монету и пытается набрать номер. Понимает, что что-то не то. Типа, гудок должен быть, или еще что-то. А трубки-то нет. Минут пять он тупил перед этим телефоном. Потом отошел, к бабке своей сел.

АНДРЕЙ. Я пошел к кассе и купил два билета до Оскола.

9. Автобус

АНДРЕЙ. Сколько там дают за убийство. Лет восемь. Минимум. Мне будет двадцать семь. Вся молодость. И потом уже все. Доживать где-нибудь тихо. Грех замаливать. Господи, прости меня грешного. Нет, так нельзя. Если я сейчас уже раскаиваюсь, но все равно иду и собираюсь согрешить, так не считается. Если на самом деле раскаиваюсь, тогда не надо убивать. Надо пойти и сказать Секе – пошел на фиг. И пусть меня убивают. Зато тогда точно в рай попаду. А если нет рая? Вообще ничего нет. Не может же быть, чтобы у нас такая наука, а до сих пор не выяснили, есть рай или нет. И Бог есть или нет? Как-нибудь на квантовом уровне. Может у нас и не такая крутая наука, одно очковитительство. Сейчас читаешь про какое-нибудь средневековье – эх вы, темнота, неужели непонятно, что Земля крутится вокруг Солнца. Это же элементарно, солнечная система. И они их всех на костер. Интересно, Джордано Бруно сейчас в раю или в аду? Что если на самом деле ты попадаешь после смерти туда, где был в последнюю секунду жизни. То есть в огонь. Рассказывали, как тетка из Шиченги одна сама себя сожгла. Обычная тетка, жила себе тихонько с сыном. Сын школу закончил, уехал в техникум. Она одна жила и потихоньку сошла с ума. Ночью взяла канистру бензина, пошла на поле, облила себя и сожгла. Это же ужасно, наверное, горишь, кругом огонь, боль и никак не умираешь, хочешь умереть, чтобы все кончилось, а горишь и горишь. А потом умираешь и опять в огонь, только теперь уже навечно и надеяться не на что. Не то, что когда ножом в живот. Хотя в живот тоже больно, там кишки, можно долго умирать. Лучше в сердце, но можно в ребра попасть, надо навык. Неужели я и правда его убью?

ОКСАНА. В автобусе пахло луком. Слева от нас сидел красавец-мужчина – в пиджаке, белой рубашке в горошек, спортивных штанах и резиновых сапогах. Еще прическа – спереди коротко, сзади до плеч. И усы. Сидит и сам понимает, что красивый и все бабы в автобусе его хотят. Вот выйти за такого замуж. По выходным, наверное, в лес ходит. Придет, шмяк зайца на стол, а я воду грею ему ноги мыть.

АНДРЕЙ. Прятаться бесполезно. Все знают, что Маронов Секе должен и я Секе должен. И Оксана сразу все расскажет, как только менты появятся. Там же такие допросы подробные, ее все заставят рассказать – и про то, как мы пытались сексом заняться, а у меня не встал. Следак будет смеяться, наверняка будет пацан молодой, меня года на четыре старше. Дело-то ясное, зачем опытных сотрудников привлекать, пусть молодяжка потренируется на кошечках.

ОКСАНА. За окном мелькали деревья. У дороги – кусты, потом осины, а дальше – березы. Я все деревья знаю, со школы, с природоведения. А леса все равно боюсь.

АНДРЕЙ. Ей меня вообще, наверное, не жалко. Если бы у нее была кошка, и у нее был выбор – чтобы убили меня или ее кошку, конечно, она выбрала бы, чтобы убили меня.

ОКСАНА. С мамой летом жили, уже когда папа умер, решили йогой заняться, чтобы похудеть. И сидим уже ночью, семечки щелкаем перед телевизором, а мама вдруг говорит – как мы хорошо йогой занимаемся. И давай обе смеяться...

АНДРЕЙ. Я посмотрел на нее так, чтобы она не заметила. Она лежала, закрыв глаза и улыбалась. Посмотрим, как она заулыбается, когда я его убью у нее на глазах. Одним ударом. На! Под ребро – на! И он смотрит такой, а все уже. Жизнь уходит. Да, хочу, сделаю. Буду жить. И в тюрьме живут, привыкну. Буду убивать. Буду убийца. Я уже его убил. Я убийца.

ОКСАНА. Я проснулась оттого, что автобус остановился.

АНДРЕЙ. Приехали.

ОКСАНА. И только когда мы вышли из автобуса, и я увидела не городской вокзал, а какой-то покосившийся навес с надписью Оскол...

АНДРЕЙ. Она как заорет – ты куда меня привез, идиот?

ОКСАНА. Он сказал, что, если я хочу, то могу подождать его здесь. И пошел к телефону-автомату. У этого автомата была трубка. Я пошла за ним, ничего не понимая.

АНДРЕЙ. Я позвонил Мишке Копцеву и спросил у него, где живет Маронов. Он дал мне адрес.

ОКСАНА. Не надо никого убивать.

АНДРЕЙ. Это еще почему?

ОКСАНА. Я сказала – не надо. Твоя мама дала мне деньги. Я тебе сразу хотела отдать, но ты же ломанулся, как дурной.

АНДРЕЙ. Она достала из кармана деньги.

ОКСАНА. Двенадцать тысяч. Отдашь Секе и все.

АНДРЕЙ. Я разозлился. Как эта дура не понимает, что деньги теперь ничего не значат по сравнению с тем, что я буду жить, а Маронов сейчас умрет. Буду жить.

ОКСАНА. И он пошел по улице.

АНДРЕЙ. Я думал, она останется на автостанции, купит билет и уедет, но она пошла за мной. Сначала мне было важно, чтобы она видела, а теперь плевать. Она теперь тоже ничего не значит.

ОКСАНА. Солнце светит в затылок, скоро пробьет дыру в голове, и из нее вылетит бабочка, и я умру. И мне не нужно будет идти за ним. Всю жизнь.

10. Двор

АНДРЕЙ. Мы вошли во двор, и я сразу увидел Маронова. Он сидел на детских каруселях. Рядом с ним сидело два пацана постарше, лет по двадцать пять. За его спиной на балконе второго этажа стоял мужик и курил. Нормально подготовились. Мишка, что ли, стукнул? Ничего, я успею завалить его, и, может быть, еще одного.

ОКСАНА. Андрей сказал, чтобы я не подходила ближе. И не убегала, когда он упадет и его будут бить, чтобы у них не проснулся инстинкт охотника.

АНДРЕЙ. Я сунул руку в карман и нащупал рукоятку ножа. Мне придется его достать, потом взять левой рукой за лезвие и открыть. Долго, слишком долго. Если все сразу накинутся. Нужно их как-то отвлечь, о чем-то заговорить. Кто их предупредил? Мишка Копцев, без вариантов.

ОКСАНА. Он подошел к ним и поздоровался.

АНДРЕЙ. Я сказал, что я от Секи. Маронов нервно тряс ногой. Остальные двое были спокойные.

ОКСАНА. Маронов – это такой невысокий мальчик с длинными коричневыми волосами. Я его один раз видела в институте, у него майка была такая прикольная с комиксом про приключения члена.

АНДРЕЙ. Маронов достал из кармана целлофановый пакет и протянул мне.

ОКСАНА. Андрей отшатнулся назад, а один из больших парней засмеялся и сказал – не ссы, не пистолет.

АНДРЕЙ. Маронов сказал – здесь все пятьдесят штук. Он специально позвал свидетелей, чтобы все видели, что он отдал деньги.

ОКСАНА. Андрей продолжал правую руку держать в кармане, взял деньги левой и долго не мог засунуть их в карман, все попадал мимо кармана.

АНДРЕЙ. Маронов сказал – смотри не потеряй, отцу пришлось мотоцикл продать.

ОКСАНА. Андрей сказал – не потеряю.

АНДРЕЙ. Напряжение прошло. Старшие парни, кажется, хотели еще поговорить, покурить или может даже выпить. Но я сказал – все, мужики, с вами приятно иметь дело, счастливо.

ОКСАНА. Мы пошли. И я услышала, как за спиной один из старших парней сказал другому – а давай догоним их у автостанции и отнимем бабки.

11. Автостанция

АНДРЕЙ. На автостанции мы поругались. Она сказала, что ей противно со мной находиться, и она не хочет, чтобы я ехал с ней.

ОКСАНА. Он порол какую-то ерунду про то, что ехать одной опасно. Тогда я сказала – отдай деньги мне. Даже если они захотят нас догнать, они не подумают, что деньги у меня. Они будут тебя искать. А ты поедешь на следующем автобусе.

АНДРЕЙ. Я понял, что она просто хочет от меня избавиться. Что ей со мной неприятно и согласился.

ОКСАНА. Он отдал мне пакет с деньгами. А я вернула ему его двенадцать штук. Все, мы в расчете. Больше никогда.

АНДРЕЙ. Я посадил ее на автобус и когда вышел со станции, увидел двух старших парней, которые шли мне навстречу. Я развернулся и побежал. Они побежали за мной. Я убежал по улице, потом свернул во двор двухэтажного дома, хотел схватить полено из поленицы, чтобы отбиваться, понял, что не успею. Вбежал в дом, дернул дверь квартиры – она была заперта. Начал стучать и кричать «Помогите! Убивают!» Тут они догнали меня, схватили и потащили на улицу. Они так запыхались, что даже не стали меня бить. Поставили на свет и стали обыскивать. «Где деньги?» – спросил один. «Уехали» – сказал я. «Куда?» – удивился он. «Девушка увезла». Второй говорит – «Я же тебе говорю, на фиг нам это надо». Второй сунул мне кулаком в зубы и говорит: «Врешь, где деньги». Второй его оттаскивает: «Пошли, чего не видишь, нет у него ничего». Первый такой: «Тогда почисти мне ботинки». Второй его обнял за плечи и говорит мне «Уходи отсюда». И я ушел. Потом понял, что у меня же были деньги, двенадцать штук, простоя про них забыл и они их не нашли. Иду и смеюсь. И даже напеваю что-то.

Вернулся на станцию, купил билет спокойно и поехал в город. По дороге я думал о том, что даже если я никого не убил на самом деле, я это сделал в своих мыслях и значит, мне уже никогда не будет прощения. Потому что я уже тогда, когда решил убить, знал про то, что это грех и что я в нем потом буду раскаиваться. Бог же не лох, он все понимает. Только если так думать, то тогда вообще никто никогда не спасается. В раю пустовато малость. Потому что в мыслях все грешат. Даже монах какой-нибудь сидит в своей келье и думает – вот, всю жизнь я терплю лишения, молюсь, а после смерти Иисус Христос посадит меня рядом с собой, и все будут говорить – «У, какой крутой монах, с самим Христом сидит». Гордыня. Чего, не грех, скажете? И все главное ради чего? Вообще впустую все. Только с Оксаной познакомился. Вот если бы все ради любви? А может, я ее люблю? Конечно, люблю. Я же из-за нее все. Или из-за себя? Секу боялся? Я и сейчас его боюсь. Как Тугаринова. Зря. Вон, Тугаринов в могиле, а я жив и даже никого не убил. А вот бы и с Секой что-нибудь случилось. Тоже бы повесился. Или отравился некачественной водкой.

Сейчас приеду, пойду к Секе сразу, заберу ее, и будет жить у меня в комнате. Мне даже хочется просто смотреть, как она улыбается. Каждый день. Черт, долго еще ехать? Я за эти два дня наверное километров двести проехал. Все еду, еду в далекие края.

12. Общага. Вокзал

АНДРЕЙ. Я вошел в общежитие и увидел Никипелова, который сидел на скамейке напротив двери. Он сказал мне, что сегодня ночью Секу выбросили из окна седьмого этажа. Пришли играть местные мужики, он их обыграл. Не надо было их обыгрывать, но он сразу сказал – я хочу мотоцикл купить, поэтому я сейчас вас обыграю. И обыграл. Они естественно решили, что он сжульничал. Последнее, что он сказал – про какую-то музыку, которую он слышит. Менты приходили, никого не нашли, никто ничего не сказал, дураков нет с местными связываться. Я спросил, где Оксанка? Никипелов как-то странно посмотрел на меня и сказал, что она уехала домой. Типа, ей же теперь негде жить. Я спросил – давно уехала? Никипелов пожал плечами. Минут двадцать назад.

Я распахнул ногой железную дверь, прыгнул с крыльца, напрямую побежал через поле, через железную дорогу, потом сарайчики, гаражи, потом школьный двор, потом площадь с памятником революционеру Бабушкину, потом дорога. К остановке как раз подходила «пятерка». Я прыгнул в заднюю дверь. Только бы успеть, только бы успеть. Пока она приехала на вокзал, пока купила билет. Может, там не так часто автобусы ходят. Я же даже не знаю, откуда она. Где мне ее искать? У какого автобуса? Если она уехала, то все.

Троллейбус медленно ехал через мост и я смотрел на купола Софийского собора, рядом с которыми садилось солнце и молился, чтобы она не успела уехать. Господи, ты помог мне столько раз, ты убил Тугаринова, ты убил Секу, ты спас меня от убийства, помоги мне еще раз, сделай так, чтобы я успел! Тебе же это просто! Или это и будет расплатой за все? Ты мне сначала помогал, а потом – раз и отнимешь у меня ее. А может, она сама не захочет?

Троллейбус медленно въехал на вокзальную площадь. Но двери не открылись, только маленькие, рядом с водителем. В них вошла толстая тетка и сказала: «Готовим билетики». Девушка рядом со мной быстро пробила билет. «У вас еще есть?» – спросил я. «Не пробиваем билетики после остановки» – прикрикнула кондукторша. Я пошел к ней и начал что-то говорить, что я тороплюсь, что забыл купить билет. Она расцвела и сказала, что придется пройти и заплатить штраф. Я совсем забыл, что у меня куча денег в кармане. Смотрел на ее круглое лицо. Двое детей наверняка, читает им сказки на ночь. И я врезал ей изо всех сил по этому лицу. Она упала спиной вперед на сиденья и заорала. Я выпрыгнул из троллейбуса и побежал через площадь.

Нужно было смешаться с толпой. Я был один на площади, как вражеский бомбардировщик в чистом небе под прицелом зениток. Я искал толпу, чтобы затеряться. Я повернул за угол и попал в толпу. Люди выходили из вокзала, ждали автобуса, курили, трепались, читали газеты, пили пиво, ходили туда-сюда. Я проталкивался через них, крутил головой и искал взглядом Оксану. Ее не было. Я искал, а ее не было.

Тогда я остановился, закрыл глаза и сказал – пусть я ее увижу. И я открыл глаза и увидел, что она входит в автобус с красной сумкой в руках. Я кинулся к ней. Она обернулась, увидела меня и, кажется, немного испугалась. Я бежал к ней, сбивая всех. Я запрыгнул на ступеньку, схватил ее и начал целовать. Рядом кто-то сказал: «Молодые люди, вы не обнаглели?» Я целовал ее прокуренные губы, и это было так сладко и горько, как будто лижешь серебряную пепельницу. Она отвечала на мой поцелуй. Тогда кто-то сказал: «Вы всех задерживаете – или пройдите в автобус или выходите». И мы вышли из автобуса.

КОНЕЦ.

Фолкнер

Действующие лица:

Он

Она

1. ПРАГА

Гостиничный номер. Он и она входят в номер. Он толкает перед собой две большие сумки на колесиках. У нее в руке карточка и конверт, которые она кладет на стол.

ОН. И, наконец, в-четвертых, в России такой писатель как Фолкнер, был бы просто невозможен.

Она начинают распаковывать сумки и раскладывать вещи. Он ходит по номеру взад и вперед.

ОН. Спроси меня почему?

ОНА. Мне плевать

ОН. Я объясню тебе, почему. Фолкнер почти всю жизнь прожил в захолустном городке с населением что-то около десяти тысяч человек. Это чуть больше, чем мой родной поселок. Знаешь, что было бы со мной, если бы я прожил бы всю жизнь в родном поселке?

ОНА. Я бы тебя не встретила, и ты бы сейчас не выносил бы мне мозг? Номер, кстати, так себе.

ОН. Зато самый центр. Центрее некуда. Посмотри в окно.

Она выглядывает в окно

ОНА. Отлично. Автостоянка прямо под окном

ОН. Красота в глазах смотрящего. Кто-то видит автостоянку, а кто-то – собор... этого... ихнего... основного этого ихнего чувака.

ОНА. Вацлава?

ОН. Почему Вацлава?

ОНА. Основной чувак у них тут Вацлав.

ОН. Нет, другого какого-то. Блин, вчера же смотрел в Википедии, забыл.

Он заглядывает в душ

ОН. Ванны нет

ОНА. Нигде не было. С чего бы ей тут быть.

ОН. Я ополоснусь.

ОНА. Сначала инет мне сделай

ОН. Хочешь поскорее припасть к фейсбуку?

ОНА. Хочу с мамой поговорить!

Он достает из сумки ноутбук, ставит его на стол, включает. Садится.

ОН. Если бы я остался в родном поселке, я бы, наверное, спился бы и умер. Это в лучшем случае.

ОНА. Я даже боюсь спросить, что было бы в худшем. Стал бы великим писателем как Фолкнер и получил бы Нобелевскую премию?

ОН. Ага, щас. Шнобелевскую. В худшем случае я выжил бы и стал бы... понимаешь, таким... сельским чудачком. Работал бы в какой-нибудь кочегарке, бродил бы с блокнотом

по лесам, разговаривал бы сам с собой и заваливал бы районную газету своими паршивыми стихами.

ОНА. Может быть, Фолкнер как раз и был таким чудаком.

ОН. Ты не сравнивай. Америка – она такая знаешь, ровная. Там провинция мало отличается от столицы. Три дома посреди поля – уже город. Со всеми коммуникациями. Почта, телефон, горячая вода, свежая пресса и новейшая литература. Сидя в своей Йокнапатофе, Фолкнер читал того же Джойса, что и Хемингуей в Париже. Это важно для формирования писателя. А у нас Москва и Россия – это даже не две разных страны. Это две разных цивилизации. Выезжаешь за МКАД и попадаешь в позапрошлый век. Там еще крепостное право не везде отменили. Российская деревня убивает все живое. Поэтому у нас даже писатели-деревенщики всегда старались селиться где-нибудь в районе метро «Аэропорт». Так. Он у меня пароль спрашивает. Нам на ресепшене давали какой-нибудь пароль?

ОНА. На конверте посмотри.

Он смотрит на конверте

ОН. А, вот он. Смотри, как они хитро придумали. Вайфай типа бесплатный, но скорость 512 килобайт.

ОНА. Это мало или много?

ОН. Помнишь, какой интернет у нас был в Отрадном?

ОНА. Seriously?

ОН. Вот это было как раз 512 килобайт.

ОНА. Сколько надо заплатить?

ОН. Двенадцать евро, чтобы поднять до 5 мегов, двадцать два, чтобы поднять до 10.

ОНА. Давай до пяти.

ОН. Окей.

Стучит по клавиатуре

ОН. Интересно, много народу сегодня придет?

ОНА. Кто-нибудь да придет. Чехи любопытные. Только про 68-й год не шути.

ОН. Не волнуйся. У меня все мои байки уже на автомате. В Варшаве было человек двадцать.

ОНА. Мне кажется, больше.

ОН. Меньше, восемнадцать. Я их посчитал. Сколько из них купят мою книгу? Один, два?

ОНА. Не твоя забота.

ОН. Мне кажется, издательство круто просчиталось с этой моей поездкой. Они совершенно точно не отобьют затраты. Перелет на двоих стоил... хорошо, это был дешевый рейс, но все равно почти двести евро. Номер где-то семьдесят евро в сутки, питание...

ОНА. Тебя это каким боком волнует? Хватит уже считать чужие деньги. Наслаждайся поездкой.

ОН. Не могу.

ОНА. Кто же это, интересно, тебе мешает?

ОН. Глупый вопрос. Фолкнер мешает.

ОНА. Здравствте приплыли. Фолкнер тебе виноват. Зачем тогда согласился? Тебе надо отдохнуть, отвлечься, а ты теперь будешь весь по уши в этом Фолкнере.

ОН. Если бы отказался, все равно бы думал о Фолкнере, но уже с оттенком сожаления об упущенной возможности.

ОНА. Тоже мне возможность. Сколько они тебе вообще заплатят за эту статью?

ОН. Это не статья, а колонка.

ОНА. Не вижу разницы.

ОН. А она есть. В статье важно, что написано. В колонке важно, кто написал. Возникает добавочная стоимость текста.

ОНА. И велика ли стоимость?

ОН. Топоров покойник подсчитал, что писатель сегодня получает за роман столько же, сколько за пять колонок. Причем это правило верно как для топовых авторов, которые пишут колонки для глянца, так и для всякого детективного отребья, которое пишет колонки для «МК» или газеты «Метро». Один роман – пять колонок. Копейка к копейке. Вот и посчитай. Сколько стоил мой роман? Вот за колонку про Фолкнера мне заплатят одну пятаю от этой суммы.

Пауза

ОН. Чего, не можешь разделить?

ОНА. Я вот думаю. Может, тебе начать колонки писать вместо романов?

ОН. Так я же и не против. Но понимаешь, в чем засада. Чтобы быть людям интересным в качестве колумниста, нужно время от времени писать романы. Чтобы оставаться писателем. Селебрити. Так сказать, человеком, имеющим право на прямое высказывание.

ОНА. Пиши романы.

ОН. Я и пишу.

ОНА. Пиши и романы и колонки.

ОН. Умная ты у меня. Так, все, инет есть. Двенадцать евро, скажите папе до свидания.

ОНА. Пусти меня.

ОН. Минуту, посмотрю еще раз в википедии, что это за собор.

ОНА. Тебе когда колонку сдавать?

ОН. Четвертого. Нет, вру, четвертого воскресенье. Пятого.

ОНА. Почти две недели. Чего ты заранее умираешь? Как обычно, ноешь, ноешь, а потом сядешь и за два часа все напишешь.

ОН. Я-то напишу. Только надо еще знать, что писать. Надо придумать моего героя.

ОНА. Не надо ничего придумывать. В википедии посмотри.

ОН. Ага, Уильям Фолкнер родился в уездном городе Бла-бла-бланске в тысяча девятьсот каком-то там году. Так колонки не пишут. Нужно найти ход. Поворот. Интригу.

ОНА. Так ищи.

ОН. Я ищу. Прикинь, нашел тут «Вконтакте» девушку, в которую был влюблен на первом курсе.

ОНА. Покажи.

ОН. Щас. Таня. Таня. Вот она наша Таня. Татьяна... блин, забыл опять, как у нее теперь фамилия. На «з»... А, вспомнил. Рогозина! Татьяна.

Стучит по клавиатуре

ОН. Смотри

Поворачивает к ней ноутбук

ОНА. Фу.

ОН. Скажи. Она в Питере училась на финансиста.

ОНА. И ты влюбился в ее будущие деньги?

ОН. Нет, я влюбился в то, что она училась в Питере. Блин, как я мечтал тогда жить в Питере! Может, переедем в Питер?

ОНА. Я этого не слышала.

ОН. А что ты сразу в штыки? Продадим квартиру, хватит как раз на трешку в Питере.

ОНА. Ага, продадим. Давай сначала кредит за нее выплатим.

ОН. Выплатим, не сомневайся. Вот я напишу бестселлер...

ОНА. Колонку про Фолкнера напиши.

ОН. Язва.

ОНА. На том стоим.

ОН. Прикинь, она так и работает финансистом в какой-то там финансовой конторе. Муж у нее такой... кавказец. Детей двое. Представь, ты работаешь финансистом...

Она складывает пальцы в воображаемый пистолет, приставляет его к виску и стреляет.

ОНА. Пуф.

ОН. А я у тебя кавказец

Она складывает пальцы в воображаемый пистолет, направляет его на него, потом приставляет его к своему виску и стреляет.

ОНА. Пуф. Пуф.

ОН. Типичное убийство на почве национальной ненависти.

ОНА. Напиши об этом колонку в газету «Метро».

ОН. Может, сама напишешь?

ОНА. Я не писатель.

ОН. Ну и что? Я тоже не сразу стал писателем. Будем с тобой как Сартр и Симона де Бовуар.

ОНА. Да ну, она страшная. Как твоя финансистка.

ОН. Может, мне детектив написать?

ОНА. Начинается.

ОН. У Акунина ведь получилось. Вдруг и у меня получится.

ОНА. Вдруг не получится? Позора не оберешься.

ОН. Я под псевдонимом.

ОНА. Под псевдонимом – пиши что хочешь.

ОН. Разрешаешь?

ОНА. Разрешаю. Делай что хочешь.

ОН. В таком тоне, конечно...

ОНА. Дался тебе мой тон.

ОН. Ты как будто бы мне разрешаешь, но если я так сделаю, ты меня с дерьмом съешь.

ОНА. Очень мне нужно твое дерьмо.

ОН. Или если например, мне стать сценаристом.

ОНА. Становись кем хочешь. Хоть космонавтом.

ОН. Космонавтом не успею. Мне сорок лет.

ОНА. Тебе тридцать восемь.

ОН. Это неважно. Фолкнер, кстати, работал сценаристом в Голливуде. Написал, между прочим, сценарий по роману Хемингуэя «Иметь и не иметь». А потом сбежал обратно в свой Джефферсон. Понимаешь, он уже был мировой знаменитостью, но не мог своей литературной работой прокормить семью.

ОНА. Кого-то мне это напоминает.

ОН. Я тут говорил с одним драматургом. Он раньше писал пьесы для «Театра. doc», а сейчас фигачит сериалы для НТВ. Знаешь, сколько ему за серию платят?

ОНА. Завидовать вредно для печени.

ОН. Столько, сколько мне за десять романов. Представляешь, сколько это в колонках? Я у него спрашиваю: Женя, а за сколько ты, например, одну серию пишешь? Он говорит – ну, дня четыре. Если с правками, то недели две. Как думаешь, я мог бы писать сценарии?

ОНА. Понятия не имею.

ОН. Мне кажется, я что-то делаю принципиально неправильное.

ОНА. Да, вместо того, чтобы писать свою дебильную колонку, ты выносишь мне мозг.

ОН. Вот я на Росконе Митю встретил. Митю помнишь?

ОНА. Это который на радио работает?

ОН. Он уже там не работает.

ОНА. Есть же у кого-то нормальные тиражи. В отличие от.

ОН. Черта с два. Он мне сказал, сколько он получает с тиража. Это не сказать, чтобы очень большие деньги. Не как у Женки за серию. У него основные поступления с компьютерных игр. По его книге какая-то украинская контора сделала игру, и теперь он живет только на эти отчисления. Уволился с радио, кропает себе потихоньку свою фантастику...

ОНА. Может тебе фантастику начать писать?

ОН. Ты что? Там у них все давно поделено. Такой рынок сложный. Как пауки в банке. Сожрут на раз. Уж лучше сценарии писать.

ОНА. Пиши.

ОН. Есть она проблема. Я кино не люблю. Ты понимаешь, у меня есть теория...

ОНА. Кто бы сомневался.

ОН. Дело в том, что в определенные периоды истории тот или иной вид искусства становился актуальнее всех остальных. Например, во времена Гомера это была эпическая поэзия. Почему, спросишь ты?

ОНА. Я ничего не спрашивала.

ОН. Я тебе отвечу. Потому, что в то время не было письменности, и литературный текст нужно было знать наизусть. А поэму выучить наизусть проще, чем прозу. И так рождается Илиада, Беофульф, не знаю, исландские саги какие-нибудь. Потом появляется письменность и литература сразу становится элитарным занятием. Не каждый король может позволить себе иметь целую книгу из пергамента. Потом, благодаря религии, к искусству подтягивается чернь. И появляется искусство для неграмотных. Это фрески на стенах церквей и театр. Тут тебе и Микельанджело, тут тебе и Шекспир. А в 19-м веке роман сделал такой скачок именно потому, что народ стал поголовно грамотный, а книги – доступны.

ОНА. Как и сейчас.

ОН. Проблема в том, что сейчас телевидение и компьютер еще доступнее, чем книги.

Людам в ломы читать. Все смотрят сериалы и играют в компьютерные игры. Сериалы и компьютерные игры сегодня – это то же самое, что Илиада для древних греков, «Гамлет» для англичан и Сикстинская капелла для итальянцев.

ОНА. Литература никогда не умрет.

ОН. Ошибаешься. Данте знаешь такого?

ОНА. Не то, чтобы мы были знакомы лично...

ОН. Знаешь, что такое «Божественная комедия»?

ОНА. Толстенная книга с занудными стихами?

ОН. Это сатирическая безделушка, в которой Данте сводил счеты со своими политическими противниками, написанная практически непечатным слогом.

ОНА. В смысле матом?

ОН. В смысле, на диалекте, который во времена Данте не был литературным языком. На нем разговаривали торговки на рынке. Никому бы и в голову не пришло написать на этом языке поэму. Литературным языком была латынь. И, кстати, сам Данте был уверен, что он войдет в историю литературы своими возвышенными стихами на латыни. Сегодня эти его латинские стихи никто не помнит. А «Божественную комедию» читают все.

ОНА. Я не читала. Вернее, один раз в детстве пыталась, когда кукольный спектакль посмотрела по телевизору...

ОН (смеется). Да, я тоже так накололся. Даже в библиотеке взял... Но потом, уже в институте...

ОНА. Так, ты закончил?

ОН. Нет, подожди. Я имею в виду, что писать романы сегодня – это то же самое, что писать латинские стихи во времена Данте. Это престижно, но это не гарантирует ни прижизненного достатка, ни посмертной славы. Мои романы забудут так же, как забудут латинские стихи Данте.

ОНА. Напиши «Божественную комедию».

ОН. Да, но, видимо, «Божественная комедия» сегодняшнего дня должна быть не поэмой, а сериалом или компьютерной игрой.

ОНА. Напиши сериал или компьютерную игру.

ОН. Не умею.

ОНА. Тогда освободи ноут.

Он встает и идет через комнату к душе

ОНА. Ты посмотрел, что это за собор?

ОН. Блин, забыл. Давай посмотрю.

ОНА. Все, иди отсюда

Он уходит в душ. Включает воду. Она надевает наушники и выходит в скайп.

ОНА. Привет. Мы здесь. Нет, не слышит. Он в душе. Хорошо. Презентация в восемь. Мы, наверное, сходим сначала поужинать. Еще раз, как называется ресторан? Это в Малой Стране? Пешком три минуты? Ладно, увидимся там. Скучаешь по мне? Я тоже.

Он голый выходит из душа

ОН. Дай мне бритву. Она в пакете

Она достает бритву и подает ему

ОН. Привет маме.

ОНА. Передам

Он уходит обратно в душ. Она возвращается за ноутбук

ОНА. Я устала. И от него, и от себя. И от всей этой ситуации. Я не могу просто так от него уйти. Вообще-то, это и моя квартира тоже. Нет, дело не в квартире. Просто я боюсь. С ним – это какая-то стабильность. Пусть это стабильность прозябания, но все-таки стабильность. А с тобой никакой стабильности не будет. Нет, у меня с ним давно ничего нет. Это про-

сто привычка. Он для меня как мебель. Хорошо, не как мебель, как вентилятор. Шумит, гудит, я не прислушиваюсь. Не дави на меня. Мне нужно подумать. Дай мне еще немного времени.

Он выходит из душа в трусах, вытирая волосы полотенцем

ОН. Слушай, я тут подумал...

Она выключает скайп и снимает наушники

ОНА. Что?

ОН. Мне нужно заняться спортом. Смотри, какой живот.

ОНА (не смотрит). Нормальный у тебя живот.

ОН. Ты чего? Я ужасно растолстел.

ОНА. Меня все устраивает.

ОН. Решено, завтра с утра пойду в спортзал. У них тут на первом этаже есть спортзал с тренажерами. Как у мамы дела?

ОНА. Все в порядке. Тебе привет. (Смотрит на часы) Я тоже ополоснусь и давай сходим поужинать.

ОН. Успеем? Презентация в восемь.

ОНА. Я посмотрела в Гугл Мап, тут рядом есть хороший ресторан. В Малой стране. Пешком три минуты.

ОН. Хорошо.

Она уходит в душ. Он садится за ноутбук

ОН. Так. Википедия. Собор в Праге. Блин, а как он называется-то?

2. ХЕЛЬСИНКИ

Гостиничный номер. Он и она спят. На столе лежит мобильный телефон. На телефоне срабатывает будильник. Он протягивает руку, отключает его и спит дальше.

ОНА. Я так понимаю, сегодня тоже спортом никто заниматься не будет?

ОН. Угу.

ОНА. Тогда чтобы я больше не слышала про твой огромный живот.

Он встает с закрытыми глазами. Берет разложенную на столе спортивную форму, надевает ее. Уходит. Она открывает глаза, смотрит на дверь, проверяет – ушел ли он. Встает, включает ноутбук. Заходит в душ. Включает там воду. Выходит с зубной щеткой во рту. Подходит к ноутбуку. Смотрит на экран. Уходит в душ. Выходит через секунду уже без щетки. Садится за ноутбук. Включает вызов скайпа. Надевает наушники.

ОНА. Какого черта? Почему я не могу до тебя дозвониться? Мы здесь уже два дня. Ты когда прилетел? Ну? Какие у тебя могут быть дела? Твое единственное дело – быть рядом со мной. Никаких других дел у тебя нет и быть не может. Знаешь, если бы мне был нужен человек, который меня игнорирует, я бы вон с этим роман завела. Он по крайней мере всегда рядом. Нет, ничего не все. Я злюсь и собираюсь тебя наказать. Жестоко. Нет, это не шутка. Ты где сейчас? Ах вот как. Очень хорошо. Посмотри на мое окно. Я говорю, посмотри на мое окно.

Она снимает наушники, встает, подходит к окну, отдергивает занавески. Смотрит за окно. Оглядывается на кровать. Возвращается за ноутбук. Надевает наушники. Оглядывается на окно.

ОНА. Ты меня видишь?

Берет ноутбук, переходит на кровать. Ложится ногами к окну

ОНА. А так?

Раздвигает ноги

ОНА. А так?

Кладет одну руку себе на грудь, а вторую – между ног.

ОНА. А так?

Она начинает тяжело и прерывисто дышать

ОНА. Хорошо

Она сдвигает ноги, встает с кровати, подходит к окну и задергивает занавеску. Возвращает ноутбук на стол.

ОНА. Жди

Закрывает ноутбук. Встает, идет в душ. Включает там воду. Открывается дверь номера. Входит он.

ОН. Сегодня только разминку сделал. Нельзя резко с силовых начинать, можно связки порвать. Прикинь, в зале вообще никого. Финны ленивые, черти, не то, что немцы. Помнишь в Майнце на набережной? Все бегут, бегут, бегут куда-то. Причем, молодые бегут, а старые бухают. В кафешках одни старички и старушки. С другой стороны, чего им не бухать? Пенсия капает. А финны, эти вообще все бухают. И старые и малые. Национальный вид спорта – лит-робол. Набухаются и поют хеви-метал. У них тут лучший хеви-метал в Европе. Помнишь вчерашних этих перцев раскрашенных на Маннергейма? Сколько им лет? По пятнадцать, наверное? (Подходит к окну, выглядывает.) Да, глядя на это низкое небо, я начинаю лучше понимать финский хеви-метал. (Отходит от окна.) Нет, это не Новый Орлеан...

Ложится на кровать поверх одеяла

ОН. Слушай, у меня возникла одна мысль по поводу творчества. Мы всегда идем за читателем. Стараемся его развлечь, когда ему скучно, развеселить, когда он хочет посмеяться. Читатель – Бог! А на самом деле он должен быть для автора спарринг-партнером. Искусство – это поединок. Причем вот например в боевых искусствах есть разные техники. Например, в боксе ты получаешь удары – в корпус, в голову. И ты должен выдержать эти удары. Кто лучше выдерживает удары, тот и побеждает. В кун-фу на удар нужно ставить блоки, защищаться от ударов. В айкидо нужно использовать силу удара противника для того, чтобы нанести урон ему самому. А есть еще русский бой. Там нет этих всех хитростей, блоков, уклонений. Там удар наносится прямо сквозь удар противника. Он тебя бьет и ты бьешь ему навстречу, пробивая его удар. Понимаешь? Это не так зрелищно, как кун-фу, никаких тебе танцев, никакой грации. Лев Толстой. «Война и мир». Ни красот стиля, ни детективной интриги. А бьет наповал. Читатель такой – ну давай, развлеки меня, а ты ему – на в табло. И готово. Нокаут.

Она выходит из душа в халате

ОНА. Иди в душ

ОН. Что скажешь?

ОНА. По поводу?

ОН. По поводу моей теории?

ОНА. Потом обсудим. Иди в душ, пока я не передумала.

ОН. Что?

Он смотрит на нее

ОНА. Сами себя задерживаем

Он встает с кровати и кидается в душ. Включает там воду. Она подходит к окну, отдергивает занавески. Смотрит на улицу. Отходит к кровати. Садится на нее. Смотрит в окно.

Он голый выбегает из душа и залезает под одеяло

ОНА (не оборачиваясь). Плохо помылся.

ОН. Откуда ты знаешь?

ОНА. Я с тобой одиннадцать лет живу. С мылом помойся.

Он вылезает из-под одеяла и идет обратно в душ. Включает воду.

Она снимает халат и кладет его на спинку кровати. Ложится под одеяло. Он снова выходит из душа, вытираясь полотенцем.

ОН. Я с мылом, клянусь

Бросает полотенце на спину кровати. Оглядывается на окно

ОН. Закрывать занавески?

ОНА. Не надо. Иди сюда. Одеяло тоже убери.

ОН. Это что-то новенькое.

ОНА. Хочу посмотреть на твой живот

Он бросает одеяло на спинку кровати. Таким образом, одеяло, халат и полотенце полностью закрывают от зрителей то, что происходит на кровати.

Он и она занимаются любовью. Примерно минуту. Потом он стаскивает со спинки полотенце и, прикрываясь им, уходит в душ. Шум воды. Он возвращается. Она берет халат и уходит в душ. Шум воды. Она возвращается в халате. Ложится. Оба лежат на кровати.

ОН. Холодно, кстати

Он стаскивает одеяло со спинки кровати и накрывается

ОН. И как, большой?

ОНА. Нормальный.

ОН. Я про живот.

ОНА. Я поняла. Нормальный.

ОН. Что скажешь по поводу моей теории?

ОНА. Какой теории?

ОН. Я тебе только что ее рассказывал. О том, что творчество это поединок.

ОНА. Я не слушала.

ОН. Как обычно.

ОНА. Ты недоволен?

ОН. Почему ты никогда не слушаешь, что я тебе рассказываю?

ОНА. Мне неинтересно.

ОН. Может, ты просто выбрала себе неправильного парня?

ОНА. Может быть.

ОН. Еще и соглашается. Секса у нас нет. Взаимопонимания нет. Я вообще не понимаю, почему мы вместе столько лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.